

ИВАН ГОДОВСКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ*

Объективные показатели состояния религиозности и результаты социологического изучения секуляризационного процесса, проведенного в недавнее время в особенности в Словакии, доказывают, что атеистическое мышление распространяется в последние годы в большинстве областей нашего государства, отличаясь динамизмом, качественным и количественным ростом.¹ Конкретные данные убедительно доказывают, что жизнь населения обеих наших республик на пути строительства социализма претерпела глубокие, поистине революционные, общественные и идейные перемены. Но они свидетельствуют также о том, что воспитательно-образовательные и общественно-научные институты посвящали у нас атеизму и проблематике освоения научного мировоззрения значительное внимание.

Интенсивная работа в области научно-атеистического воспитания не была и не является у нас случайным или конъюнктурным явлением; заметный спад интенсивности в 60-е годы уже в сущности преодолен. Наоборот, наша деятельность имеет свои многолетние традиции, которые мы стремимся органически и тем не менее творчески и критически продолжать; она имеет также свои основные воспитательные цели, исходящие из планомерного развития социалистического сознания широких слоев населения нашего общества и из необходимости всестороннего освоения и развития социалистической морали и культуры. Почему общественные институты и организации в повышенной мере обращают внимание на атеистическое образование, почему мировоззрение становится центром внимания общественных наук в последние годы? Все это, однако, имеет некоторые актуальные и совершенно специфические причины, которые мы попытаемся подробнее объяснить в настоящем докладе. Во второй части доклада будет обращено внимание на более подробную характеристику задач, решаемых нашими научно-атеистическими институтами, или же на характеристику целей, которые они стремятся достичь в будущем.

Атеистическая мысль в Чехии: традиции и современное состояние

Одной из главных причин подъема интенсивности научно-атеистического воспитания и научной деятельности в этой области является стремление сделать научный атеизм формой поистине массового мировоззрения, убеждений и взглядов. Несмотря на то, что в этом отношении было за последние двадцать лет сделано не мало, но большая часть этой задачи все еще впереди. Причем речь идет прежде всего не о пробуждении критического, антирелигиозного мышления и чувств людей, следова-

* Доклад был прочитан на симпозиуме „Атеизм в современной идеологической борьбе“, который состоялся в Москве от 23-го до 26-го октября 1975 года.

¹ Peter Prusák, *Secularizácia a religiozita na Slovensku*, *Ateizmus* 1975, № 2, стр. 85 и дальше.

тельно, об атеизме в его первоначальной, тем не менее слишком узкой и ограниченной форме, а о завоевании той многочисленной группы — современных поколений, которая, как правило, характеризуется термином „колеблющиеся“ или „неопределившиеся“, затем тех людей, которые считают себя членами какой-нибудь религиозной организации или церкви только формально, не принимая активного участия в ее жизни, а, наконец, тех, которые обычно по вопросам атеизма и религии не высказываются. Тот факт, что именно последние три группы относятся у нас к очень многочисленным, доказывают результаты вышеупомянутого исследования.² Из него вытекает, что группы неопределившихся и формально верующих составляют в целом почти 50 % всего взрослого населения. Эти группы, правда, в общем больше чем группа активно верующих, которые по данным исследования составляют примерно 32 %; однако, более многочисленные также по сравнению с активными атеистами, составляющими в Словакии 16,4 %. Что касается Чехии, то мы пока не располагаем достоверными данными об общем состоянии религиозности за последние годы. Учитывая частичные данные и оценку объективных данных (количество актов крещения, церковных браков и погребений), затем опыт проделанной воспитательной и просветительской работы можно с полным правом предложить, что количество атеистов в Чехии больше, но, что также и в Словакии, значительная часть взрослого населения и молодежи продолжает сохранять в вопросах мировоззрения нечеткое отношение или же до известной степени равнодушие.

Если сравнить современное состояние с почти девяносто девятью процентной религиозностью в Словакии в период домюнхенской Чехословакии или с данными социологических исследований проводимых у нас после второй мировой войны в 1946 году и в 60-е годы, исследований, показавших перевес или по крайней мере выразительное место группы верующих в тогдашнем населении, то можно прийти к заключению, что отход от религиозного мировоззрения стал также в традиционно-религиозных областях нашего государства более или менее массовым явлением, но что он, этот отход, однако, не везде с одинаковой интенсивностью сопровождается такой переменной в сознании масс, которая означает обой освоение или же активное участие в распространении и укреплении материалистического мировоззрения.

Где следует искать причины такого положения атеистической мысли в ЧССР? Ответ на этот вопрос не легок и не прост. Мы считаем, что причины заключаются в целом ряде общих и особых черт развития мировоззренческого мышления всего нашего общества, его отдельных классов, групп, слоев. На особое внимание заслуживают три в значительной мере характерных для наших условий фактора. Это (1) самостоятельное развитие нашей более ранней атеистической традиции, в особенности противоречивость национальной буржуазной критики религии, (2) борьба марксистско-ленинского атеизма против буржуазного движения „вольной мысли“, (3) современные метаморфозы религиозной, прежде всего, христианской мировоззренческой мысли, мотивированные стремлением тормозить всеобщий процесс секуляризации и атеизации нашего общества, с одной стороны, и проникновение ревизионистских тенденций в собственно марксистскую теорию и воспитательную практику, с другой стороны. Наверное, было бы полезно принять во внимание также другие факторы, например, психологические аспекты воздействия современных нам религиозных организаций, влияние мелкобуржуазной мировоззренческой ориентации и ее влияние на семейное воспитание, в особенности религиозных и сектанских традиций в некоторых областях, местностях и т. д. Но об этих частных сторонах религиозного воздействия на сознание людей мы можем упомянуть только вскользь.

² Речь идет о социологическом исследовании мировоззренческих позиций населения, осуществленном исследовательским институтом культуры и общественного мнения в Братиславе в 1971—1974 гг. Результаты исследований доказывают, что к верующим относится 55,6 % взрослого населения, из которых, однако, 23,8 % считает себя, правда, верующими, но не принимает участия в церковных обрядах. Атеистами считают себя 29,9 %, но и эта группа с точки зрения мировоззренческой убежденности не совсем однородна. 13,5 % — неверующие, но по отношению к религии не занимают отрицательных позиций, между тем как 16,4 % считают себя убежденными атеистами. Наконец, 12,5 % не имеют четкого выраженного взгляда ни на религию, ни на атеизм, а 2 % не высказали по этому вопросу серьезного мнения. (Там же, стр. 92.)

К пункту 1. Если учесть историческую и логическую связь атеистических взглядов с критикой официальных религиозных учений и идеологий, то можно установить, что атеистическая мысль имеет в Чехии, а в известной мере также в Словакии, значительные и продолжительные традиции. Ее начало можно найти не только в антифеодальной и антикатолической критике радикальных демократов, например, во взглядах К. Г. Боровского, К. Сабини или А. Сметаны, а также некоторых деятелей просвещения, например, в творчестве Иржи Прохазки, одного из выдающихся чешских философов-материалистов на переломе XVIII—XIX веков. К традициям чешского атеизма в этом случае можно отнести также взгляды крестьянско-плебейского крыла средневекового движения гуситов — пантеизм некоторых таборитских радикалов, например, взгляды Гусека.

Ранний этап нашей национальной антирелигиозной критики с точки зрения более позднего выразителя атеистического мировоззрения стал значительным в нескольких отношениях. Этот этап был тесно связан с интересами угнетаемых классов и слоев чешского народа, с их борьбой за социальную и национальную справедливость и самостоятельность. Он, следовательно, не вырос из самоцельной теоретической спекулятивности, а опирался на тогдашние познания естественных и общественных наук и стремился использовать их в своей культурной и идейно-политической борьбе. Характерной составной частью этой критики было движение за национальное самосознание и независимость. Тот факт, что чешская буржуазия не однажды связывала идеи национально-освободительной борьбы с критикой католицизма и клерикализма, вытекает из известного факта тесной связанности католической религии и католической церкви с интересами проавстрийски ориентированного феодального дворянства. В этом отношении — за исключением части низшего духовенства и некоторых представителей патристически настроенной католической интеллигенции, выходцев из народа — в значительной мере расходились интересы церкви в Чехии в XIX веке в известной мере с интересами молодой чешской национальной буржуазии.

Но, с другой стороны, антикатолические взгляды и антиклерикальная деятельность чешских просвещенцев и деятелей национального возрождения имели свои тщательно сохраняемые границы. Эти деятели, позиции которых отличались рядом непоследовательностей, за редким исключением (например, раскол А. Сметаны с церковью и религией, последовавший, однако, по инициативе самой церкви) не решались полностью разойтись с религией. Эта ограниченность чешского буржуазного „атеизма“ усилилась и выразительно проявилась позже, на грани XIX—XX веков, когда буржуазный атеизм уже полностью теряет свой передовой характер, все больше удаляясь от программы принципиальной, революционной перемены социальных отношений и вырождается в ограниченное плоское реформистское „вольнодумство“.

Неспоследовательность и половинчатость буржуазно-либеральной критики религии особенно выразительно проявилось во время борьбы за национальную самостоятельность под конец первой мировой войны и в первые годы существования самостоятельного Чехословацкого государства. Тогда критика политического клерикализма становится, правда, в значительной мере массовым явлением, но форма этой критики, принимаемой чешской буржуазией, и на этот раз не выходит за рамки идеологической доктрины, выраженной действительно, но тем не менее по содержанию весьма ограниченным девизом „Прочь от Рима!“. Это движение, собственно говоря, представляло собой попытку оторвать чешских католиков от строго централизованной католической церкви, управляемой Ватиканом, или же в лучшем случае стремление сблизить закостенелое католическое вероучение с более современным и динамичным протестантизмом. В результате была основана Чехословацкая церковь (в настоящее время Чехословацкая гуситская церковь), в первое время завоевавшая значительное количество сторонников, но постепенно все более терявшая влияние; в конце концов (за редким исключением в отдельных местностях) ее место заняли опять традиционные церкви — католическая и евангелическая (чешско-братская).

Буржуазный антиклерикализм и вольнодумство сыграли в истории нашего атеизма в сущности двоякую роль: они несомненно способствовали расшатыванию старых идеологических структур феодального общественного строя и сыграли также значительную роль в борьбе за национальное самосознание и освобождение, но только на основании для последовательной критики религии, но и поистине революционной программы позитивной научно-атеистической образовательно-воспитательной работы. Характерным для этого движения было и то обстоятельство, что во время возрастающих классовых противоречий, во время борьбы за характер государствен-

ного устройства в начале 20-х годов постепенно теряло значение и распалось. Реакционные буржуазные силы опять обращаются к испытанному помощнику правых движений и консерватизма — к политическому клерикализму, а подлинно передовые атеисты ищут пути к марксизму-ленинизму, к коммунистической партии и к марксистическим атеистическим организациям.

К пункту 2. Во время постепенного упадка и распада чешского буржуазного антиклерикализма начинают создаваться новые, гораздо более значительные традиции нашей атеистической мысли — традиции борьбы за научное мировоззрение, за марксизм-ленинизм. Также их истоки восходят к XIX веку, ко времени, когда у нас начинают организовываться первые общества и когда возникают первые организации социаль-демократической партии. Одновременно с распространением учения марксизма, пропагандой марксистского научного мировоззрения, начинает, главным образом в промышленных центрах, например, в окрестностях г. Либерец, шириться движение за освобождение народа от влияния религии. Все большее количество рабочих и представителей интеллигенции марксистской ориентации покидает ряды церкви, но не потому, чтобы заменить одну религию другой, а с целью разойтись полностью с идеалистическим мировоззрением. Социал-демократы-атеисты сначала вступают в организации, образовавшиеся на основе буржуазного атеизма, например, в „Вольную мысль“. Очень рано, еще до начала первой мировой войны, однако, происходит внутренняя дифференциация атеистического движения; социалистически настроенные атеисты стремятся создать для своей мировоззренческой программы самостоятельный организационный базис.³

Принципиальный поворот в развитии нашего атеистического движения происходит после первой мировой войны, в особенности в результате основания Коммунистической партии Чехословакии. Партия с самого начала своего существования посвящает значительное внимание мировоззренческому воспитанию своих членов, а также других прогрессивно настроенных людей. Ее руководство отдает себе отчет в том, что революционное движение требует объединения трудящихся на основе единой идеологической программы. Атеистическое воспитание трудящихся занимает в этом более широком комплексе идеологических и мировоззренческих воспитательных целей весьма важное место. Причиной этого является то обстоятельство, прежде всего, что в условиях относительной стабилизации капиталистического общества во второй половине 20-х годов, а потом в период экономического кризиса наблюдается опасность роста влияния политического клерикализма и клеро-фашизма. Тот факт, что в условиях буржуазного государства волна антикатолического движения относительно быстро спала и ей на смену пришла обратная тенденция — поддержка религиозных организаций, а прежде всего католической церкви отражает, кроме прочего, результаты выборов 1925 г. Рост количества мандатов клерикальных партий на 60 % (словацкой „народной партии“ даже больше чем на 100 %) способствовал разительному усилению крайне реакционного крыла буржуазного руководства нашего государства. Практические последствия этой тенденции развития в чешском и словацком буржуазном государстве проявляются без большого замедления. Усиливается антиатеистическая и антикоммунистическая пропаганда, возрастают тенденции дискредитировать успехи строительства социализма в Советском Союзе и завоевания социалистического общественного строя, включая массовую распространенность атеизма в глазах простого народа.

Но буржуазия не довольствуется всего лишь правой пропагандой и агитацией. Привилегированное положение церквей в качестве носителей консервативной идеологической программы обосновывается также юридически, например, так называемым конгруэнтным законом от 1925 г., по которому урегулировалось взаимное отношение церквей в ущерб атеистам и людям без вероисповедания.⁴ Ряд других фактов — экономическая мощь церквей (прежде всего, католической), религиозное воспитание в школе доказывают, что чешская и словацкая буржуазия в течение существования первой республики отказывается от атеизма и полностью поддерживает политический и идеологический консерватизм.

В этой чрезвычайно трудной для передового научно-атеистического движения

³ Так, например, уже в 1913 г. возник Союз социалистических мюнистов и некоторые другие организации местного значения.

⁴ Ср. F. Vašečka, *Buržoazný štát a cirkev*, Братислава, 1957.

ситуации коммунисты стремятся главным образом к тому, чтобы, несмотря на ряд препятствий политического, правового и экономического характера, несмотря на исключительное морально-психологическое давление и ряд затруднений, вытекающих из первоначальной неясности методов и форм пропаганды атеизма, был заложен организационный фундамент научного мировоззренческого воспитания. Поэтому начинается перестраиваться до тех пор весьма раздробленное социалистическое атеистическое движение и значительная часть атеистов, ранее организованных в „Вольной мысли“ или же в других менее крупных атеистических организациях местного значения создают новую организацию — „Союз пролетарских безбожников“ (1926 г.). Хотя значение этой организации, учитывая ее относительно недолгое существование (в 1933 г. была на основании судебного решения распущена) нельзя переоценивать, все же остается неоспоримым фактом, что на грани 20-х и 30-х годов это была атеистическая организация, относящаяся к самым активным организациям, с весьма большим количеством членов, в сущности единственная у нас атеистическая организация, последовательно опирающаяся на идеологию марксизма. „Союз пролетарских безбожников“ основывал организации не только в Чехии и Моравии, а также и в Словакии и в его работе принимал участие также целый ряд выдающихся представителей коммунистического движения домюнхенской республики, например, Б. Шмерал, Т. Бартошек, И. Ландова-Штыхова, М. Магоушек и др.⁵ Главное значение этой марксистской атеистической организации, однако, надо видеть в том, что кроме воспитательного-образовательного и пропагандистского воздействия, кроме распространения правдивой информации о политической и культурной жизни в СССР, это было движение, которое сумело в принципе выйти из-под влияния буржуазного атеизма, движение, снискавшее заслуги в воспитании нового поколения убежденных атеистов-марксистов, инициаторов и создателей социалистической культурной и воспитательной программы партии в послевоенные годы.

К пункту 3. В новых условиях строительства народно-демократического и социалистического государства происходят важные изменения в области научно-атеистического воспитания. В отличие от 20-х и 30-х годов и времени второй мировой войны, когда коммунистическое научно-атеистическое воспитание было ограничено узкими рамками деятельности атеистических организаций и кружков, атеистическое воспитание в 50-е и 60-е годы становится массовым — целью воспитания; к ее реализации стремятся школьные учреждения, общественные организации и в первую очередь органы коммунистической партии. Эта интенсивная деятельность вскоре дала ценные положительные результаты. Атеистическое мировоззрение перестало быть чем-то особым, раритетом, расцениваемым массой ханжески верующих и толпами мещан как что-то общественно „неприемлемое“ и даже „безнравственное“. Наоборот, атеистическое мировоззрение стало явлением, которое в особенности в промышленно развитых областях, среди молодого поколения и передовой трудящейся интеллигенции приобрело массовый характер.

Борьба за новое научное мировоззрение, однако, не закончена и в наше время. С изменением условий научно-атеистической деятельности и с общей переменной мировоззренческих взглядов людей меняется также сама воспитательная и пропагандистская работа. На первый план выступают новые проблемы, а вместе с ними и новые задачи.

После национализации имущества церкви, после упразднения монашеских орденов и прекращения реакционной церковно-политической пропаганды, расшатывается, тесный до этого времени, но часто вынужденный под давлением власти и авторитета, союз между высокой церковной иерархией и простыми верующими. Стремительно теряет свое значение политический клерикализм, дискредитировавший себя в глазах трудящихся тем, что в период решительной политической борьбы за социалистический характер нашего общества в большинстве случаев стал на сторону реакции. Несмотря на это даже в данный период не удается полностью устранить влияние и воздействие религиозной идеологии и религиозного мировоззрения. Церковь после временного торможения своей деятельности начинает в течение 60-х годов применять новые формы воздействия, формы, менее бросающиеся в глаза, но тем не менее часто весьма действенные.

⁵ V. Hudečková, *Tradície nášho pokrokového ateistického hnutia a súčasnosť*. Ateizmus 1975, № 2, стр. 134 и далее.

Характерная черта новой церковной пропаганды — дифференцированный подход к отдельным группам верующих и к людям, отношение которых к традиционной религии или же ослабло или почти совсем исчезло. В местах, где религия сохранила еще относительно значительное влияние — т. е. в области с преобладающим крестьянским населением, где не был завершён процесс коллективизации, где находилось значительное количество крестьян-единоличников, а также по отношению к старшему поколению церковь применяет традиционные формы воздействия, подчеркивая мнимую неизменность и устойчивость религиозного образа жизни. В этом случае церковь старается вызвать впечатление как будто религиозный образ жизни единственное подходящее средство, как сохранить вечные жизненные ценности и „истины“. И, наоборот, в промышленных центрах, в городах и по отношению к младшему поколению церковь стремилась убеждать и привлекать к себе людей тем, что показывала себя в новом свете. Она утверждала, что современное церковное учение по сравнению с традиционными формами религии в значительной степени изменилось, так сказать, стало „более современным“, что оно приблизилось к жизни простых людей, что оно может критически относиться к настоящему миру и к себе. Эти тенденции у нас усилились главным образом после 1965 г., а именно после окончания II Ватиканского церковного собора, который определённые современные направления в католической церкви отразил и запечатлел в официальных документах, а тем самым с точки зрения внутренней жизни церкви „узаконил“ их. Пропаганда результатов заседаний церковного собора в наших условиях, естественно, касалась не только внутренней жизни католической церкви. Речь шла не только о перемене внутренней структуры церковной организации, модернизации обрядов, о новом понимании религиозной морали, новой оценке социальных отношений между людьми, о новой социальной доктрине церкви и т. п., как стремятся иногда наговорить защитники фиделизма. Речь шла, кроме всего вышперечисленного, о попытке начать новый этап в деятельности церкви свиду, о укреплении ее „врастания в социализм“.

Католическая церковь (вместе с ней и другие церкви, религиозные организации и секты) использует у нас для пропаганды своего учения самые различные средства. Кроме так называемых легальных, т. е. церковных проповедей и религиозной литературы, издаваемых центральным церковным издательством, Вышеград и другими, церковь использует и нелегальные средства пропаганды, например, распространяет материалы, напечатанные на чешском и словацком языках в западных капиталистических государствах, а именно ФРГ, Австрия, Канада, США и не на последнем месте Ватикан.

Из содержания этих печатных материалов ясно вытекает, что речь идет не только о произведениях религиозного и пастырского характера, а об идеологически важных и одновременно последовательно антимарксистски и антикоммунистически направленных памфлетах, листовках и обширных философско-теологических работах. Здесь нельзя посвятить особое внимание их критическому анализу. Тем не менее мы считаем необходимым напомнить один идейный аспект, присущий большинству публикаций этого рода. Речь идет о попытке сделать религиозное мировоззрение и миропонимание вновь привлекательным для людей, которые, как признают многие авторы этих публикаций, живут уже в значительной степени в секуляризованном мире. С этой целью авторы стремятся использовать современные буржуазные философские, социологические и психологические теории и, прежде всего, взгляды на кризис современного мира, который-де (кризис) распространяется как на мир капитализма, так и на мир социализма. Люди-де в настоящее время вообще страдают от потери жизненных ценностей в результате отчуждения, погони за материальными благами, которые, с точки зрения духовной и посмертной жизни, являются всего лишь псевдоценностями: так называемое индустриализованное общество теряет жизненно важное — атрибут человечности. Только „глубоко личная решимость“ в этой постоянной „неустойчивости, зыбкости“, поиски духовного смысла жизни, пробуждение нового притягия жизни (желания жить) в результате того, что люди сумеют активно участвовать в божьих замыслах и т. п., только все это показывает-де дорогу к приобретению жизненных правд и долго искомого равновесия, гармонии. Кроме того умалются основные противоречия современного мира — идеологическая борьба двух главных общественных систем — социализма и капитализма и двух антагонистических мировоззренческих ориентаций — материализма и идеализма. Христианские философы и теологи (Тейльгард де Шардэн) стремятся также рассеять опасения

и преодолеть мнение, что в наше время вера находится в полном противоречии с наукой, что это два различных начала, а, наоборот, стремятся вызвать впечатление, как будто религия, вера и наука взаимно дополняют друг друга.

Хотя многие из этих идей представляют собой лишь иные „одежия“ буржуазной идеологии, преодоленные современной марксистской наукой и практикой строительства социалистического общества, все же нельзя недооценивать их влияния в особенности в наших условиях. Это убедительно показало недавнее развитие в период политического и идеологического кризиса нашего социалистического общества в конце 60-х годов. Тогда как раз называемый религиозный модернизм проявил себя, как одна из самых активных, а также самых влиятельных форм антикоммунистической пропаганды; эта форма получила известный отклик не только в кругах слепо верующих, но также, а это на наш взгляд гораздо важнее, и в тех слоях населения, представители которых уже в предшествующий период относились к религии холодно, скептически или же нечетко. То обстоятельство, что такое воздействие религии не ограничивалось всего лишь кругами традиционно верующих слоев и общественных групп, засвидетельствовано взглядами антисоциалистически и антикоммунистически активно выступающих фидеистов, которые тогда совершенно открыто объявили борьбу именно за возвращение в лоно церкви многочисленной группы народонаселения нашего государства, чье отношение к религии не носило четко выраженный характер.

Причины активизации религиозной жизни, в особенности католицизма в кризисный период необходимо, конечно, искать прежде всего в непоследовательности и в слабой принципиальности марксистского мировоззренческого воспитания. Нельзя не видеть, что одновременно с тем, как наш идеологический фронт находился в кризисе, одновременно с распространением у нас правых ревизионистских взглядов, началась и „переоценка“ тогдашнего марксистского воспитания и пропаганды в области атеизма. Вместо борьбы с идеалистическим мировоззрением многие до недавнего времени еще „войнствующие атеисты“ сводят счеты со своим „догматическим“ прошлым, завязывают контакты, начинают диалог с верующими и теологами и способствуют по сути дела стиранию идеологических разногласий между жизненными позициями марксистов и людей, заявляющих о своей принадлежности к идеализму. В руководство институтами и организациями, отвечающими за атеистическое воспитание и за исследование в области научного мировоззрения попадают люди, отчасти или же полностью перешедшие на позиции правого ревизионизма. Антирелигиозная борьба, распространение атеизма и материалистического мировоззрения не было их целью; они стремились включить нашу научно-исследовательскую деятельность в комплекс буржуазной „науки о религии“, которая внешне пыталась вызвать впечатление надпартийного „объективизма“, на самом же деле выполняла функции апологета религии. В особенности характерны эти усилия для публицистической деятельности И. Свитака, В. Гардавского, Э. Кадлецово́й и др., первоначально марксистски ориентированных атеистов, которые, однако, в 60-е годы начинают заниматься пропагандой будто новых исследовательских методов и направлений (феноменология, структурализм и т. п.), не принимая во внимание принципиальные мировоззренческие различия между их буржуазно-идеалистической интерпретацией и марксизмом.

Отступление с позиции последовательной марксистско-ленинской воспитательной практики и научной теории повлекло за собой не только облегчение условий для деятельности фидеизма, но также — на некоторое время — повлекло за собой и распад структур научно-исследовательских организаций, занимающихся мировоззренческой проблематикой, понижение их научно-исследовательской активности и принципиальной творческой деятельности в области научного атеизма вообще. Учитывая этот факт, наша марксистская научная атеистическая теория стоит в настоящее время перед рядом проблем, которые необходимо в возможно более короткий срок решить. Эти задачи представляют собой основу для научно-исследовательской работы институтов научного атеизма и кафедр вузов в этой пятилетке и станут также одной из рабочих задач в следующем периоде.

Научно-исследовательские цели и структура институтов, занимающихся проблематикой научного атеизма

Принимая во внимание относительное сложное развитие атеистического мышления у нас (учитывая специфику Чехии и Словакии) и проблемы, которые появились в области теории и исследования научного атеизма в недавнее время, необходимо посвящать проблематике марксистско-ленинской теории научного атеизма и научно-атеистической практике воспитания и образования не только большее внимание чем в предыдущие годы, а необходимо сосредоточить научно-исследовательскую мощьность данных институтов и организаций на задачах подлинно актуальных и наиболее назревших как с точки зрения общегосударственной, так и с точки зрения формирования коммунистического сознания трудящихся.⁶ Из обширного комплекса научно-атеистической проблематики были выделены четыре круга вопросов, в решении которых в значительной степени участвуют институты научного атеизма при Чехословацкой и Словацкой Академии Наук в г. Брно и г. Братислава, кафедре философии и научного атеизма философского факультета Университета им. П. И. Шафарика в Прешове и отделения научного атеизма в институтах марксизма-ленинизма в отдельных вузах ЧСР и ССР.

В первый круг вопросов входит изучение факторов, которые, в особенности в последнее десятилетие, в значительной мере способствовали устойчивости религиозности в разных слоях населения, главным образом среди представителей среднего поколения и среди молодежи, включая интеллигенцию. Мы пришли к выводу, что необходимо посвящать повышенное внимание не только традиционным формам религиозного воздействия, отживающим свой век, прежде всего, в областях, где крестьянское население или преобладает или же представляет большой процент, но необходимо посвящает повышенное внимание также религиозным доктринам, которые в большей степени относительно формы и содержания, были модифицированы так, чтобы не противоречить современному образу жизни, зачастую даже модным увлечениям молодежи, живущей в промышленных центрах, в городах, или же занимающейся в вузах. Поскольку речь идет о целой гамме проявлений религиозной жизни, начиная с изменений в литургии, в искусстве, сопровождающем богослужения в церкви (бигбитовая музыка и т. п.) и кончая пропагандой и популяризацией философско-теологических взглядов главных представителей религиозного и прежде всего христианского модернизма, было необходимо подвергнуть критическому анализу прежде всего те явления, которые имели или еще продолжают иметь непосредственное влияние на жизнь многочисленных слоев и групп населения у нас в Чехословакии. При этом оказалось, что в наших условиях мы имеем дело не с первоначальной религиозной философией отечественного происхождения, а с просачиванием философских и теологических взглядов с запада, главным образом, немецких или французских, в меньшей мере также англосаксонских теологов. (Эта ситуация не удивительна, если осознать бесспорный факт, что отечественная теолого-философская традиция имела, в особенности в области католицизма, уже долгое время очень низкий уровень, что преобладающая часть чешских и в значительной мере также словацких интеллигентов и философов относились еще до Мюнхена к религии и теологии преимущественно критически.) Оказалось также, что изучение модернистских тенденций, за исключением чешского протестантизма, нельзя ограничивать всего лишь произведениями чешского и словацкого происхождения, что, наоборот, необходимо раскрыть тесную связь и идейную зависимость „отечественных“ церквей от чужих, прежде всего западных, а, следовательно, прокапиталистических влияний. Второй предпосылкой решения этой задачи было определение главных идейных принципов религиозного модернизма в нашей среде. Критическому анализу был подвергнут модернизм двух самых больших христианских верований — католического и протестантского, причем главное внимание было посвящено современной апологетике фидеизма, проблемам религиозного толкования функции веры и науки в современном мире, вопросам религиозного толкования научно-технической революции и не на последнем месте изменениям в положениях религиозной морали и религиозной-идеалистической системе жизненных ценностей. Институт научного атеизма при

⁶ J. Loukotka, *Rozvoj vědeckého ateismu v ČSSR*, Ateizmus 1975, № 3, стр. 269 и далее.

Чехословацкой Академии Наук в г. Брно принимает участие в решении проблематики анализа и критики модернизации, посвящая этому вопросу большую часть своей научно-исследовательской деятельности.

Второй круг вопросов касается критики политического клерикализма и его влияний в Чехии и Словакии в недавнем прошлом и в настоящее время. В данном случае, кроме конкретного анализа политических структур клерикальных партий, групп и течений, кроме изучения связи религиозной идеологии с политической практикой принимается во внимание церковная политика буржуазного государства до второй мировой войны, клерикально-фашистского государства Словакии во время войны и не в последнюю очередь анализ религиозных социальных доктрин в их традиционной и модернизированной форме. Учитывая, что институт научного атеизма при Словацкой Академии Наук в г. Братиславе весьма успешно разрабатывал эти темы, и поскольку они тесно связаны со своеобразием политического клерикализма в Словакии, институт продолжает работу в этом направлении.

Относительно сложное, а одновременно и динамичное развитие мировоззренческой мысли у нас, местные и обусловленные эпохой особенности развития религиозности — все это требует одновременно с решением теоретических проблем и вопросов, связанных с критикой религиозного мировоззрения, заострения значительного внимания на конкретное изучение религиозности в настоящее время. Кроме необходимости получить цельную картину современного состояния и тенденций мировоззренческой мысли всех слоев населения, обязательно особенно внимательно изучать известные группы населения, некоторые области, где весьма сильна религиозность, а также внимательно изучать мировоззренческие позиции отдельных поколений, прежде всего, молодежи. Из характера самого вопроса вытекает, что этими задачами следует заниматься научно-атеистическим организациям и в Словакии и в Чехии, причем должна учитываться необходимость согласованности изучения, взаимного дополнения и сравнения результатов исследований.

Последняя, по списку, но отнюдь не по важности — это проблема изучения и оценки наших атеистических традиций. Значение этой задачи возрастет в ближайшем будущем, когда, как мы предполагаем, будут ослабевать и проявления жизни религии и сама религиозность. Сложность развития атеистической мысли, в особенности в годы думюнхенской Чехословакии и в недавнее время требует, однако, чтобы был проведен анализ не только собственной истории чешского и словацкого атеизма, не только анализ его значения и места в чешской и словацкой культуре вообще, но также была бы проанализирована идейная борьба, проходившая у нас и между религиозной философией и атеизмом, и между представителями буржуазной и мелкобуржуазной критики религии и марксистски ориентированными атеистами. Важную сторону этого круга проблем составляет критика влияния ревизионизма на нашу собственную теорию атеизма и научно-атеистическую практику воспитания, далее, критика псевдомарксистских концепций атеизма и с ней связанные формы проникновения буржуазной теории религии и атеизма в марксистскую науку. Этим комплексом проблем занимались до сих пор преимущественно словацкие институты, в особенности кафедра научного атеизма в Прешове, в ближайшем же будущем планируется более тесное сотрудничество всех институтов, работающих в области научного атеизма, следовательно, также институтов в Чехии.

Перечень кругов проблем не был бы полным без упоминания в высшей степени актуальной и необходимой работы отделений атеизма институтов марксизма-ленинизма в вузах. Несмотря на то, что речь идет, как правило, о весьма недавно возникших или даже еще только постепенно строящихся организациях (это, конечно, в значительной мере относится и к институтам научного атеизма при Чехословацкой и Словацкой Академии Наук), их работы по воспитанию и популяризации научного атеизма вызывают уже в настоящее время заслуженное внимание. Положительной чертой является и то, что значительная часть их работников принимает прямое участие в научно-исследовательской работе, но главным образом то обстоятельство, что в этих организациях (например, в институте марксизма-ленинизма университета им. Коменского в Братиславе) посвящается значительное влияние подготовке учебных пособий для курсов научного атеизма в вузах. К этому следует добавить не менее заслуженную деятельность работников, которым поручена организация научно-атеистического воспитания в министерствах школ обеих республик.

Необходимо сказать, что при выполнении поставленных задач были уже достигнуты положительные результаты. С 1973 г. в Словакии издается журнал „Атеизм“,

сосредоточивший вокруг себя довольно многочисленный коллектив авторов — научные работники, специалисты, работники из области педагогики и просветительско-воспитательной практики. Были изданы сборники „Проблемы мировоззренческого воспитания“ (Братислава, 1972), „Относительно актуальных проблем научного атеизма“ (Прага, 1974 г.). Изданы были две монографии проф. И. Лоукотки, в которых автор занимается научно-атеистической проблематикой — „Гуманизм в нашей философской традиции и наша современность“ (Прага, 1974 г.) и „О религии и искусстве“ (Прага, 1974 г.). Были опубликованы также результаты социологического исследования религиозности, проводившиеся в 1971—1973 гг. работниками института научного атеизма в Братиславе. Вышли в свет учебные пособия и учебники по научному атеизму в Словакии и в Чехии; готовится их новое издание. Недавно были изданы также переводы работ по научному атеизму авторов из социалистических стран, прежде всего из Советского Союза и ГДР. Большинство авторов, работающих в области научного атеизма, принимает активное участие в подготовке пропагандистских брошюр и материалов, издаваемых для нужд наших пропагандистов и просветительских организаций прежде всего социалистической академией наук ЧСР и СССР.

Краткий перечень результатов нашей работы свидетельствует о том, что в отличие от кризисного периода выразительно повысилась интенсивность работы в области научного атеизма. Мы, конечно, не можем сказать, что полностью удовлетворены результатами проделанного. Мы осознаем, что главная цель нашей деятельности — привести возможно более широкие слои населения нашего государства к принятию научно-атеистической платформы мировоззрения — потребует еще больших и многолетних усилий. Мы осознаем, что достижение конечной цели потребует также решения целого ряда частных задач, из которых отдельные, как, например, анализ психологических сторон воздействия религии до сих пор оставался в известной мере вне нашей деятельности. Однако, и те вопросы, которым в настоящее время мы уделяем главное внимание оказываются чрезвычайно трудоемкими и одновременно весьма обширными, для их решения необходимо включение большого количества работников и сотрудничество с другими институтами научно-атеистического характера в социалистических странах. Мы считаем, что в этом отношении, несмотря на ряд личных контактов обмен публикациями и информацией о научно-исследовательских планах, не было еще проделано столько, сколько требовала бы актуальность и трудность задач. Мы считаем, что улучшению взаимного сотрудничества могли бы способствовать не только регулярные встречи и согласованность научно-исследовательских планов, а также создание информационно-документального центра. Миссия такого учреждения заключалась бы в составлении тематических библиографий, эвристики и может быть также в предоставлении учебных командировок для определенного круга специалистов. Основание такого центра или же специального отделения при некотором институте, занимающемся изучением научно-атеистической проблематики, скорее всего при Институте научного атеизма ЦК КПСС было бы, что касается организационной стороны, вероятно, весьма затруднительно, но тем не менее надо считать что это существенным образом способствовало бы большей информированности, а тем самым также улучшению качества нашей работы.

Что сказать в заключение? Нами уже упоминалось, что коллективы наших институтов и кафедр научного атеизма в большинстве случаев весьма молоды. Это, с одной стороны, означает, что многие из нас пока еще ощущают недостаток опыта, что они должны бороться, так сказать, с трудностями роста. Но, с другой стороны, эта определенная временная невыгода с точки зрения перспектив нашей работы, является значительным преимуществом, в особенности потому, что речь идет в большинстве случаев о людях, полных молодого размаха и творческого оптимизма, о коллективах, которые исполнены решимости способствовать своей работой в области теории научного атеизма достижению более широких и важных целей, развитию и укреплению социалистического и коммунистического убеждения, и развитию коммунистических, подлинно гуманных, отношений между трудящимися обоих наших народов.

AKTUÁLNÍ OTÁZKY VĚDECKÉHO ATEISMU V SOUČASNÉM ČESKOSLOVENSKU

Autor vychází z předpokladu, že jednou z hlavních příčin současné intenzifikace práce v oblasti vědeckého ateismu je snaha učinit materialistický světový názor formou skutečně masového přesvědčení. Přitom nejde výhradně o probuzení kritického, protináboženského myšlení, o ateismus v jeho prvopočáteční, nicméně příliš úzké a ohraničené formě, nýbrž o změnu světonázorové orientace skupiny dnešní populace, která bývá zpravidla označována termíny „rozkolisání“ nebo „nevyhranění“. Že se jedná o skupinu obyvatelstva, která je u nás velmi početná, dosvědčují sociologické výzkumy, prováděné v poslední době v různých oblastech našeho státu.

V první části se autor snaží odpovědět na otázku, v čem spočívají hlavní příčiny světonázorové rozkolisanosti a nevyhraněnosti. Kromě vlivů maloburžoazní ideologie a působení zvláštních sociálně psychologických faktorů věnuje hlavní pozornost (1) vývoji starší ateistické tradice, zejména rozpornosti a nedůslednosti národně buržoazní kritiky náboženství, (2) boji marxisticko-leninského světonázorového učení s buržoazním volnomyšlenkářstvím a (3) soudobým proměnám náboženského, především křesťanského světonázorového myšlení, majícím za cíl zbrzdění prohlubujícího se sekularizačního procesu. V závěru se zabývá otázkou, nakolik a jakým způsobem působily na formování světonázorových postojů určitých skupin obyvatelstva nemarxistické názory vědeckých a ideologických pracovníků, kteří v šedesátých letech u nás kritizovali marxisticko-leninskou teorii vědeckého ateismu z revizionistických pozic.

Druhá část statí je věnována důsledkům, které vyplývají ze současné situace světonázorového myšlení pro vlastní vědeckovýzkumnou práci v oblasti vědeckého ateismu. S ohledem na poměrně složitý vývoj ateistického myšlení v Čechách i na Slovensku autor považuje za nezbytné soustředit výzkumnou kapacitu kompetentních pracovišť a zařízení na úkoly skutečně aktuální a z hlediska celospolečenské praxe a formování komunistického vědomí pracujících nejnaléhavější. Domnívá se, že z mnohorozměrného celku vědeckoateistické problematiky lze vyčlenit čtyři okruhy problémů, na jejichž řešení by se měla podílet jak vědeckovýzkumná pracoviště ČSAV a SAV, tak také společenskovědní katedry na vysokých školách. První okruh zahrnuje studium modernizačních tendencí uvnitř jednotlivých církví a náboženských společností a jejich skutečného vlivu na myšlení jednotlivých sociálních a generačních skupin, zejména mládeže. Druhý okruh tvoří problémy kritiky soudobých projevů politického klerikalismu, a to nejenom s ohledem na jeho sepětí se starší klerikálně fašistickou tradicí (např. na Slovensku), nýbrž především se zřetelem ke změnám, k nimž v poslední době dochází v politické a ideologické orientaci hlavních center náboženského hnutí. Třetí oblast problémů, které se jeví jako zvláště aktuální, tvoří samotná metodologická práce v oblasti vědeckoateistické teorie, zvláště pokud jde o otázky sociologických výzkumů v této oblasti. Čtvrtý okruh tvoří otázky ateistických tradic a možnosti jejich využívání v soudobé výchovně vzdělávací praxi.

Závěr statí je věnován zhodnocení výsledků práce hlavních vědeckoateistických pracovišť u nás a možnostem jejich intenzivnější spolupráce s podobnými pracovišti v Sovětském svazu a ostatních socialistických zemích.